РУССКІЯ СКАЗКИ
Казака
Луганскаго.

СКАЗКА ЧЕТВЕРТАЯ,

Новинка–диковинка или невиданное чудо, неслыханное диво.

Н. ЯЗЫКОВУ

и всѣмъ товарищамъ нашимъ профессорскаго института при дерптскомъ университетѣ.

Диво — бѣлый воробей; чудо — высѣвки въ рѣшетѣ: дыръ много, а выскочить некуда; чудо чудное, диво дивное, черная коровка, да бѣлое молочко! — Но это все чудеса буднишнія, обношенныя, пошлыя, обвѣтшалыя; я вамъ сказку скажу про чудо невиданное, диво неслыханное, сказку новую какъ пуговку, модную какъ гнутыя оглобли, затѣйливую какъ пудель въ шароварахъ, что за комедіантомъ ходитъ; а сватъ Демьянъ да кума Соломонида, по присказкѣ прикинутъ: — Русская рубаха безъ цвѣтныхъ ластовокъ не живетъ!

Сказка моя не долга; сказуется скоро; стриженая дѣвка косы заплести не успѣетъ!

Не подбивайтеся подъ нашего брата, грамотѣи велемудрые, соглядатаи, мытари, оцѣнщики, браковщики, орѣхогрызы неутомимые! Гладки взятки съ насъ, какъ съ козла, ни шерсти, ни молока! Не насупливайте бровей, какъ нагорѣлыя свѣчи, не глядите на меня комомъ, глядите розсыпью, не молвьте торопомъ, молвьте исподоволь! Не шумите, не учите всѣ въ одинъ голосъ, у семи нянекъ дитя безъ глазу — а горланить хотите, ступайте по лѣсу облавою. — Скажете: долга сказка? Сватъ Демьянъ говоритъ: долга стѣна китайская! Скажете: коротка? Кьротокъ воробьиный носъ! Скажете: непригожа? Была пригожа, да вы же сглазили! А станете разбирать по своимъ по примѣтамъ, причудамъ, повѣрьямъ — такъ онъ вамъ скажетъ: толкуй Фетинья Савишна про ботвинью давишню! Пришелъ не званъ, подиже не гнанъ; не твоимъ перомъ писано, не твоей указкой склады перебирать; не стой надо мной, какъ чортъ надъ душой, мыль свою бороду, чеши свою голову, ходи въ баню по субботамъ — а когда ѣсть нечего, не криви душой, поди подъ окно, я же подамъ и кума подастъ, да и ступай домой, сказки моей не суди, не осуживай — я безъ долговъ, ты безтолковъ — пѣшій конному не товарищъ! Гряди съ миромъ со

своимъ клиромъ, я свою семью и самъ прокормлю.

Чудны дѣла твои Господи! завопила кума Соломонида на поминкахъ, которыя по обычаю правили мы 40 дней по смерти одного волжскаго 90 лѣтняго казака, слывшаго знахаремъ, такъ что въ смертный часъ надлежало, по собственному завѣщанію его, отодрать три доски изъ потолка, надъ смертнымъ одромъ его, иначе мученіямъ его не было бы конца; — чудны дѣла твои Господи, дивно потворствуешь врагу твоему, попускаешь замыслы его нечестивые! Сказать ли вамъ, мои кормилицы, отъ чего покойникъ Ѳедосей сталъ знахаремъ? Наканунѣ воробьиной ночи *), продолжала она, утерши губы, собиралась, какъ и всегда въ этотъ вечеръ, буря; еще все было тихо; вдругъ вихорь, отколь ни возмись, поднялъ пыль и погналъ ее по селу, по улицѣ, столбомъ; закрутились, завертѣлись былинки, какъ бѣсы тмы окромѣшной — и завылъ вѣтеръ низовой и погналъ густой столбъ противъ хода тучъ. Тутъ случись, родимые мои, сосѣдней деревни, нашего приходу, не тѣмъ будь помянутъ, старикъ, и забыла какъ прозывался, упокой Господь душеньку его, прими земля косточки его, онъ уже лѣтъ тому 50 сосланъ, сказываютъ, не то казненъ; случись онъ тутъ, на бѣду, и

---

*) **Осеннее равноденствіе.**

настрой мальчишку: бѣги, говоритъ, догоняй столбъ, это вѣдьма вѣнчается, да кинь ножъ въ самую середину, чтобы концемъ сталъ, какъ свайка, въ землю? Малый что разумѣетъ? дѣтское дѣло глупое; сказано, сдѣлано! Ножъ–этъ подняли ребята, кончикъ въ крови, а вихорь въ ту ночь всѣ до одной кровли въ селѣ пораскрывалъ! Народъ всполошился, за судъ да за расправу; а мать ребенка того и докажи на старика: онъ–де нечистую силу прогнѣвилъ, онъ научилъ, вечоръ, какъ вѣдьма вѣнчалась, по ней ножемъ пустить! Старика того священникъ отрѣшилъ отъ святой трапезы, не допустилъ къ причастію, наложилъ на него эпитимію, а онъ, на другое лѣто, изомстилъ бабѣ за это: народъ весь былъ въ полѣ, онъ заберись къ ней въ избу, поднялъ подъ кутникомъ, гдѣ она съ мужемъ сыпала, половицу, да и схоронилъ туда этотъ ножъ окаянный. Никто о томъ и не вѣдалъ; а у бабы первая дочь родилась — вѣдьма! Сватья и кума и бабка видѣли, что ребенокъ съ хвостомъ родился, а хвостъ настоящій мышиный, прости Господи согрѣшеніе мое! Когда же дѣвка эта выросла, такъ ослѣпила навожденіемъ парня, нашего криваго Луки дѣда, покойника Ѳедосея, вотъ что схоронили о Петровкахъ да нынѣ поминаемъ — услыши Господи молитвы наши грѣшныя, не изрыгай земля праха его! — онъ то взялъ ее за себя, да и самъ такому же добру отъ нее

научился! Вотъ, отцы родимые, кормилицы мои, какимъ случаемъ покойникъ нашъ Ѳедосей, не тѣмъ будь помянутъ, сталъ знахаремъ!

— На покойника была правда не разъ поклепа, за худыя дѣла и прочія художества, подхватилъ кумъ Ивличъ, да все напраслина! Онъ, лѣтъ тому будетъ 60, благое дѣло сдѣлалъ. Тогда у насъ, старики помнятъ, былъ моръ, и на людей и на скотину. Дѣдъ мой, не послушавшись ни стараго, ни малаго, а разума своего темнаго, мужичьяго, вышелъ въ поле на работу, въ такой праздникъ святой, въ который и птица гнѣзда не вьетъ — въ самое Благовѣщеніе! Съ нимъ было батраковъ человѣкъ пятнадцать; вдругъ надъ ними небо тучами затмилось и налетѣла, зашумѣла крыльями, чума. Дѣдъ сказывалъ, что самъ ее видѣлъ: сама какъ утка, голова и хвостъ змѣиныя! Кто успѣлъ молитву сотворить, того Господь помиловалъ — кто нѣтъ — тутъ же душу отдалъ! Моровая язва эта хвостъ уронила здѣсь, а сама потянулась противъ солнышка — и до самаго того мѣста, гдѣ положила голову свою змѣиную, и народъ и скотъ, все вымерло! Тогда нашъ старикъ, покойникъ Ѳедосей, криваго Луки дѣдъ, зная всякое слово и отъ чего какое слово годится, и всякое зелье и снадобье, нашептывалъ подъ печью, надъ черепкомъ, и ножъ тотъ, которымъ поранили вѣдьму

подъ вѣнцомъ, выкопалъ изъ подполья, понесъ ночью и кинулъ на распутьи, гдѣ прилегла моровая язва головою — и такимъ дѣломъ онъ избавилъ народъ и скотъ отъ всякой дальней гибели и отъ порчи!

Въ тѣ поры, подхватилъ сватъ Демьянъ, сказывали, что чума ходитъ ночью; бабы вѣдьму подслушали подъ заборомъ, да и сказали мнѣ, что очередь пришла моей избѣ. Я зажегъ елей подъ кивотомъ, самъ легъ на прилавку, да положилъ подлѣ боку топоръ и шашку. Около полуночи поднялся вихорь, и вдругъ дверь сама отперлась! Я тихомолкомъ за топоръ: глядь — топоръ безъ топорища! а я наканунѣ насадилъ его самъ, да еще и на кленовое, суковатое! Погоди, подумалъ я, меня, стараго воробья, и на мякинѣ не проведешь! Я ухватилъ шашку — а шашкой этой запорожской казакъ, въ семисотыхъ годахъ, тридцати–тремъ некрещенымъ туркамъ головы рубилъ! Рябая собака, сука, выла, выла подъ окномъ, да вдругъ и вбѣжала въ избу. Я топоръ въ ноги ей, она на него заглядѣлась, а я какъ свисну, съ прилавки, по ней шашкою, такъ переднюю лапу ей и отрубилъ, какъ кочерыжку! На другой день, на краю села, вытащили старуху изъ за печи: одна рука отрублена!

Всѣ крестились отъ ужаса, и никому не пришло на умъ сказать свату Демьяну то, что я ему молвилъ на ухо: плутъ ты плутъ, сватъ, гдѣ врали и ты тутъ! Ври, не

завирайся, а назадъ оглядывайся — ври сегодня, покидай и на завтра! Когда дѣдъ кума Ивлича согрѣшилъ неумѣстнымъ трудолюбіемъ своимъ, а покойный знахарь Ѳедосей чуму уморилъ, тогда отецъ твой еще кромѣ соска ѣды не зналъ; а ужъ ты круто и лихо съ вѣдьмами рубился! Молодецъ! Но мы съ нимъ смигнулись, и я его не выдамъ! Рука руку моетъ.

Въ тѣ поры, примолвилъ слѣпой старикъ на полатяхъ, стращали народъ, что свѣту конецъ, и скоро преставленіе будетъ; — да Господь помиловалъ!

Не вѣдаетъ народъ, о чемъ толкуетъ; отпусти имъ Господи грѣхи ихъ, сказалъ старовѣрческаго монастыря отшельникъ, который попалъ на тризну нашу, какъ котъ подъ лавку: онъ мимоходомъ послышалъ духъ постнаго стола нашего, стерляжей ушицы! А придетъ скоро время, продолжалъ онъ — будетъ моръ, голодъ, война; будутъ младенцы сосать груди матерей своихъ труповъ; — будетъ народъ лыки жевать, вмѣсто хлѣба насущнаго, пойдутъ всѣ цари христіанскіе, всѣ земли крещеныя, войною на невѣрныхъ, будутъ воевать Царь–градъ и Іерусалимъ, Іерусалимъ бо есть пупъ земли, и возьмутъ его и заспорятъ между собою зѣло, кто своимъ войскомъ завоевалъ святую землю и кому надлежитъ честь и слава, и завраждуютъ вельми между собою. Тогда явится сущій Антихристъ, ожидаемый

евреями пророкъ, вызовется царей христіанскихъ мирить и будетъ показывать лживыя чудеса: Евреи первые ему поклонятся; потомъ всѣ иновѣрцы, одинъ по одному, и будетъ онъ класть имъ клейма, на чело и на рамо десное — этимъ будетъ и хорошо и привольно и сытно; а прочимъ будетъ худо, будутъ терпѣть нужду и голодъ необычайные, будутъ терпѣть всякія поруганія, будетъ ихъ Антихристъ мучить и истязать. Послѣдніе, вѣрные своему служенію, пребудутъ старовѣры, непокорные, строптивые, твердо вѣрующіе. Антихристъ будетъ ихъ сгонять всѣхъ въ ямы, засыпать соломою, жечь и допрашивать: Обращаются ли они? Кто эту пытку перенесетъ, будетъ святъ, какъ угодникъ Миръ–Ликійскихъ. Теперь низойдутъ на землю Илія Пророкъ и Іоаннъ Златоустъ, взятые за–живо на небо, которыхъ Господь пасетъ на этотъ часъ, ибо имъ, какъ живымъ, надлежитъ возвратиться еще на землю, — и будутъ они изобличать Антихриста въ неправдѣ, въ изувѣрствѣ, въ самозванствѣ, въ беззаконіи; изобличивъ его въ три дня, отрубятъ ему голову; кровь его прольется въ три ручья на землю, земля отъ нее займется, загорится, будетъ горѣть, горѣть, покуда не выгоритъ вся, со всѣми твореніями, созданіями, быліями и каменными горами — и свѣту конецъ! Вотъ насъ, старовѣровъ, что ожидаетъ!

промолвилъ онъ со вздохомъ глубокимъ. А праведнымъ останется тотъ только изъ насъ, кто вытерпитъ всѣ муки и пытки и пребудетъ вѣренъ и непоколебимъ!

Такъ ты однимъ старовѣрамъ сулишь вѣчнаго блаженства? спросилъ мой Демьянъ; не хорошо, отецъ, дѣлаешь; учись у насъ: мы, на Волгѣ, стерляжей ушицей всякаго кормимъ; и православныхъ, и вашего брата, случается и татаринъ астраханскій табунъ на ярмарку коренную гонитъ, да забредетъ, и нѣмецъ, сарептянинъ, приворачиваетъ — Волга широкая рѣка, Волга разгульная рѣка — это гостинница Господня — орошаетъ, безъ одной, десять губерній русскихъ, стоитъ на ней 40 городовъ, а селамъ, деревнямъ, такъ и счету не дашь — всѣхъ поитъ, всѣхъ кормитъ! Преставленіе свѣта твое, отецъ, не чудо; нынѣ это и малой и великой знаетъ, что рано ль, поздно ль, а этого не миновать — диво бѣлый воробей, чудеса въ рѣшетѣ, дыръ много, а выскочить некуда; чудо чудомъ, диво дивомъ, черная коровка, да бѣлое молочко; да и это все чудеса буднишнія обношенныя, пошлыя–обвѣтшалыя; я вамъ сказку скажу про новинку–диковинку, про неслыханное чудо, невиданное диво; сказку новую какъ пуговку, модную, какъ гнутыя оглобли, затѣйливую, какъ шавка въ шароварахъ, что за комедіантомъ ходитъ! — Да уговоръ дороже денегъ — кто сказку мою

перебьетъ, за тѣмъ считаю пятакъ; кто усомнится въ истинѣ неслыханнаго чуда, невиданнаго дива, да не повѣритъ сказкѣ моей, за тѣмъ два! Слушайте!

Въ нѣкоторомъ царствѣ, за тридевять земель въ Загишпанскомъ государствѣ, жилъ проживалъ и обрѣтался купецъ, по имени Макафлоръ. Онъ былъ богатъ златомъ заморскимъ и серебромъ, какъ донской казакъ послѣ поживы; тороватъ, какъ блаженныя памяти царица, и красовались чертоги его шпалерами золочеными, сводами расписными, картинами живописными въ маховую сажень, и утварью лучшаго издѣлія заморскаго, какъ въ Москвѣ хоромы Пашкова — словомъ, чего хочешь того просишь, развѣ только одного птичьяго молока не доставало! Но честной господинъ, купецъ Макафлоръ, встосковался однажды, на одиночество свое глядя, и подумалъ про себя такъ: сосѣди мои женятся, сосѣди родятся, сосѣди умираютъ — одинъ я какъ Сивка–бурка, вѣщая каурка, живу, живу, а легче нѣтъ! Родиться дважды нельзя въ нашемъ царствѣ, умирать — не охота, дай оженюсь! И не медля ни мало, заслалъ онъ свахъ задорныхъ, Камиллу Киргизовну, Степохлесту Перехватовну, да еще третію, такую же, къ одному чужеземному гостю, у котораго съ прошедшей весны расцвѣла и

славилась красотою дочь, по имени Макарона; а какъ отца ея, онаго гостя, звали Перероемъ, то у насъ бы и совѣсть не зазрѣла называть прекрасную невѣсту, что нынѣ въ супругахъ, Макароною Перероевною; но какъ въ тѣхъ весьма отдаленныхъ отъ насъ западныхъ Загишпанскихъ странахъ, благаго обычая такого, по невѣдѣнію, не держались, то — кума Соломонида всплеснула руками и ахнула отъ ужаса! Не называть дѣтей по отцу! И подлинно это неслыханное святотатство! Но сватъ Демьянъ утѣшилъ и успокоилъ ее, повторивъ, что сіе дѣлалось у нихъ по невѣдѣнію, — прости имъ Господи согрѣшенія ихъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ, сказалъ инокъ — и упокой душеньку ихъ, примолвила Соломонида, и прими земля косточки ихъ — то и называли ее запросто Макароною, докончилъ наконецъ сватъ Демьянъ. Отецъ прекрасной этой дѣвицы, иноземный гость Перерой, держалъ свахамъ купца Макафлора такой отвѣтъ: милостивыя государыни мои! Хотя дѣйствительно честной купецъ Макафлоръ во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ есть руки дочери моей возлюбленной, прекрасной дѣвицы Макароны и пора пришла пріискивать ей жениха, а мнѣ зятя, но какъ она объявила, что слѣдуя внушенію одного пророческаго сна, не иначе пойдетъ за мужчину, какъ если онъ обяжется доставить ей новинку и диковинку, до

которыхъ она искони страстная охотница, то и предстоитъ нынѣ честному и достопочтенному искателю ея, разрѣшить сіе затрудненіе; тогда я съ своей стороны дамъ немедленно отцовское благословеніе свое и приглашу гостей честнымъ пиркомъ да на свадебку!

Макафлоръ такому отвѣту весьма изумился. Онъ по ночамъ не ѣдалъ, по днямъ не спалъ, все только думалъ да угадывалъ, какою новинкою–диковинкою ему бы услужить будущей нареченной своей? Тогда подошелъ къ нему вѣрный спутникъ его на морѣ и на сушѣ, въ торговыхъ оборотахъ, въ дѣлахъ и въ бѣдахъ, Мирошка дурачекъ, и, начавъ жалобно выть собакою, объявилъ вознегодовавшему на то купцу рѣшительно, что перестанетъ выть собакою не прежде, какъ когда узнаетъ причину горести его. Макафлоръ наконецъ разсмѣялся и подѣлился съ нимъ кручиною своею. Твои бабы, сказалъ тогда Мирошка дурачекъ, воду пьютъ, въ водѣ полощатся — это гуси; пошли меня на сватовство, хозяинъ, я тебѣ невѣсту Перероевну высватаю, что собака куцому зайцу хвоста оборвать не поспѣетъ! И когда хозяинъ далъ на то согласіе свое, и Мирошка дурачекъ, объявивъ, что принесъ залогъ на новинку–диковинку, былъ допущенъ къ прекрасной дѣвицѣ Макаронѣ, то, подавъ ей кольцо обручальное отъ имени хозяина своего, принялъ онъ слово и

рекъ такъ: Многопрекрасная и всепобѣдоносная дѣвица Макарона, дщерь всюдуславнаго и златосіятельнаго негоціанта Перероя! Будущая повелительница наша! Не гнѣвайся на меня пресмыкающагося, дерзнувшаго вознести зеницы очесъ своихъ на тебя — глядитъ бо и котъ на царя — а я пришелъ къ тебѣ съ дѣломъ немаловажнымъ: я принесъ тебѣ вѣрный залогъ для полученія отъ хозяина моего, а твоего нареченнаго, новинки и диковинки, до которыхъ ты столь лакома; если примешь залогъ сей, то новинка и диковинка твоихъ рукъ не минуютъ; ибо новинка будетъ заключаться для тебя въ новомъ супружескомъ санѣ твоемъ, а диковинкою будетъ то, что вамъ Господь пошлетъ живыхъ ребятишекъ по подобію и образу своему и твоему и отца–супруга созданныхъ; развѣ это не диковинка? Вотъ истинное значеніе пророческаго сна твоего, коего тёмный и глубокій смыслъ оставался для тебя недоступнымъ!

Это понравилось дѣвицѣ Макаронѣ чрезвычайно; не прошло недѣли, какъ пѣсенники, балалайка, бубны и рожокъ гремѣли цѣлую ночь на пролетъ во дворѣ иноземнаго гостя Перероя; это была свадьба дочери его Макароны съ купцомъ Макафлоромъ. — Но время не ждетъ ни пьянаго, ни горбатаго, не длитъ часовъ радости и веселія, не сокращаетъ годинъ напасти и горести. Осень и зима пролетѣли,

настаетъ весна, и молодымъ нашимъ пора разставаться, купцу Макафлору пора грузить корабли и отправляться за море. И кто это выдумалъ, пропадай онъ, чтобы молодымъ супругамъ весной раставаться! Весной, когда трава какъ мотокъ пробивается, жаворонки и ласточки слетаются и ветюшни воркуютъ!

Нагрузивъ корабль богатыми товарами, спросилъ Макафлоръ супругу свою, прекрасную Макарону, что она прикажетъ привезти себѣ изъ за моря, какого гостинца желаетъ? У насъ, отвѣчала она, благодаря Подателя, всего вдоволь и по уши, и ни какимъ гостинцемъ не можешь ты мнѣ угодить, какъ только если потѣшишь старую прихоть мою, которую имѣла я еще, когда была въ дѣвкахъ; я охотница до новинокъ и диковинокъ, привези ты мнѣ, муженекъ мой соколъ, изъ за моря, новинку–диковинку, невиданное чудо, неслыханное диво! Супругъ поцѣловалъ ее въ чело высокое, въ уста сахарныя и въ перси бѣлоснѣжныя, и приказалъ ей пребыть ему вѣрной, а самъ сѣлъ на корабль свой и пустился въ бурливое море. Не намъ за нимъ дни и часы считать, не намъ по морю путь его, колею зыбкую, измѣрять — ее давнымъ давно волнами смыло и загладило; довольно того, что прибывъ въ городъ небывалый, а въ сказкѣ именуемый невѣдомымъ, не узналъ на дѣлѣ того, что накладъ съ барышемъ, какъ

купцы говорятъ, дворъ обо дворъ стоятъ и на однѣхъ саняхъ ѣздятъ, ибо распродалъ весь товаръ свой весьма съ великою выгодою, нагрузилъ снова корабль свой разнымъ товаромъ заморскимъ, и сталъ доискиваться теперь невиданнаго чуда, неслыханнаго дива, въ гостинецъ супругѣ своей. Это, правда, стоитъ того, что поймать мѣсяцъ за рога! Но какъ показаться на глаза возлюбленной супругѣ своей, прекрасной Макаронѣ, безъ гостинца? Но Мирошка дуракъ опять выкупилъ его. Прогуливаясь по городу, подошелъ онъ однажды къ толпѣ народа, стоявшей около вновь отстроеннаго храма съ колокольнею неимовѣрной вышины. Одинъ изъ толпы сказалъ: Куда, теремъ–этъ, хитро сгороженъ! Не то, хитро сгороженъ, подхватилъ другой, да какъ крестъ вколоченъ? Какъ вколоченъ? — спросилъ Мирошка дуракъ — а нагнули, да и воткнули! У народа, какъ гдѣ въ кучу собьется, горло хоть и одно, да преширокое; зареветъ, такъ ревма; захохочетъ, такъ бока надсадитъ; полюбилъ народъ Мирошку дурака за глупые толки его, и выискался какой–то проказникъ, пролазъ, что спознался и побратался съ нимъ и повелъ его въ харчевню для корабельщиковъ иностранныхъ, по обычаю земли той, на общій счетъ гулять. Здѣсь Мирошка дурачекъ, и кто живой съ нимъ былъ, подгуляли и давай всякъ своимъ

добромъ хвалиться. У меня, сказалъ молодой мѣщанинъ, охорашиваясь, молодая, пригожая и вѣрная жена есть! Это что за диво, примолвилъ Мирошка, и мы съ бариномъ покинули дома такую же! У меня, сказалъ другой, птица есть, что весь божій день разговариваетъ, со всѣми болтаетъ, безъ умолку безъ отдыху! — У насъ ихъ до чорта, отвѣчалъ Мирошка, только вся и разница, что твоя въ перьяхъ ходитъ, а наши въ юбкахъ! — У меня, сказалъ какой-то третій проидоха, есть вещь удивительная: невиданное диво, неслыханное чудо! «Держи ухо остро, подумалъ Мирошка, нашей тони севрюга плыветъ!» — Видите ль, ребята, гуся на дворѣ? продолжалъ разсказчикъ. — Видимъ. — Гусь, поди сюда! Гусь пришелъ. — Гусь, ложись на сковороду! — Гусь легъ. — Тогда онъ поставилъ сковороду съ гусемъ въ печь, и, зажаривъ его, подалъ на столъ и просилъ всѣхъ гостей поѣсть съ нимъ жареннаго гуся, но костей не кидать, по нашему, подъ столъ, а складывать въ кучу на столѣ. И когда они того гуся съѣли до косточекъ, то незнакомецъ, собравъ кости, завернулъ ихъ въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: гусь, встряхнись, и поди на дворъ! Гусь встряхнулся и пошелъ! — Подлинно, что это новинка и диковинка, чудо невиданное, диво неслыханное! — сказалъ Макафлоръ. Не велика штука, да мотовата, подхватилъ Мирошка — и кто живой съ нимъ былъ,

единогласно подтвердили тоже. Макафлоръ приторговалъ и купилъ за великіе деньги того гуся, прибылъ благополучно на родину свою, облобызалъ жену, прекрасную Макарону, и представилъ ей гостинецъ. Она радовалась безконечно возвращенію любимца души своей и супруга, разсказывала, какъ просиживала, въ отсутствіи его ночи, и горько плакала по немъ, а теперь тѣшилась несказанно подаркомъ и гостинцемъ сожителя своего. Въ одинъ день, когда купецъ Макафлоръ пошелъ, по обыкновенію своему, ходить по дѣламъ и торговымъ оборотамъ, находился у жены его одинъ молодой и прекрасный, той страны, изъ рядовъ сидѣлецъ, навѣщавшій иногда подругу юности своей, прекрасную Макарону, охотницу до новинокъ и диковинокъ. Она вздумала поподчивать его между прочимъ новопривезеннымъ заморскимъ жаркимъ и позвала гуся со двора въ избу. Гусь пришелъ. Гусь, ложись на сковороду! но гусь не слушался ея и не ложился на сковороду, а гагакалъ во все гусиное горло. Тогда купчиха Макарона, разсердясь, ударила его сковородникомъ и увидѣла — чудо невиданное, диво неслыханное! Сковородникъ присталъ однимъ концомъ къ гусю, а другимъ къ купчихѣ, и она не могла оторвать руки. Въ испугѣ позвала она на помощь гостя своего, но — бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ; бѣда никогда не

живетъ одна, а бѣда бѣду накликаетъ, какъ крикуша утокъ — и гость, какъ ухватился только за сковородникъ, прильнулъ къ нему какъ клещь за уши; всѣ усилія ихъ, всѣ попытки были тщетны, и гусь, это осьмое чудо, привелъ чету, прекрасную Макарону и сидѣльца ея милаго дружка, на сковородникѣ, какъ пару гончихъ на сворѣ, къ хозяину, купцу Макафлору! Прикащики, бросившіеся разнимать колодниковъ, всѣ также прильнули къ сковороднику, какъ приросли, и свалка началась бы преужасная, если бы самъ купецъ не подоспѣлъ, и, разнявъ ихъ, не послалъ бы послушнаго гуся домой. Теперь увидѣлъ честной купецъ Макафлоръ новинку–диковинку любимую жены своей, а она, когда мужъ взялъ ее въ руки и сталъ учить да проучивать порядкомъ, не разъ слыхивала отъ него слова: вотъ тебѣ невиданное чудо, неслыханное диво! которые онъ всегда при этомъ случаѣ приговаривалъ.

А я, Демьянъ, да сватъ мой Луганской, изъ за тридевять земель въ Загишпанское государство глядя, смѣкнули такъ: У кого новинка–диковинка есть доморощеная, тотъ за чудесами заморскими не гоняйся; считай звѣзды, а гляди въ ноги, да води усами во всѣ четыре стороны; не тотъ писарь, что хорошо пишетъ, а тотъ, что хорошо подчищаетъ! — Женѣ вѣрь покуда подлѣ боку, жена безъ мужа и вдовы хуже, а за

море поѣхалъ, такъ домашнее прогулялъ и поминай какъ звали!

Это сказано для честнаго господина купца Макафлора; а о купчихѣ скажемъ, что она, безъ новой новинки–диковинки вѣка не проживетъ. Женской стыдъ — до порога; переступила, такъ и забыла! Вора хоть золотомъ засыпь, такъ ему некраденный кусокъ пріѣстся скоро; поваженный, что наряженный — красна пава перьями, а добрая жена мужемъ; красна дѣвка до замужства, а женился — глядь — какъ на льду обломился! Жена не лапоть, обносивши не скинешь, либо гляди самъ глазами, либо свахъ засылай порасторопнѣе, посмѣтливѣе, понадежнѣе Мирошки! жаль кулака, а ударить было дурака, за то, что высваталъ не впопадъ невѣсту Перероевну! Онъ всему причиной, Мирошка дуракъ; да и дѣло въ шляпѣ!

Вотъ вамъ и сказка про новинку–диковинку, чудо невиданное, диво неслыханное! Сказка новая какъ пуговка, модная какъ гнутыя оглобли, затѣйливая, какъ шавка въ шароварахъ! Что твое преставленіе свѣта, отецъ, что ваши вѣдьмы и домовые! Подноси–ка, кумъ Ивличъ, подноси, за упокой Ѳедосея; вишь кума Соломонида боится, чтобы не всталъ! Подноси еще, Ивличъ, знай подноси — такъ ужъ, встанетъ ли, нѣтъ ли Ѳедосей покойникъ, а мы съ тобою — врядъ ли встанемъ!